

МАМА, ХОРОШО, ЧТО У ТЕБЯ РАК

СТЕЛЛА
БЫКОВСКАЯ

*Когда рак становится не приговором,
а началом настоящей жизни*

Стелла Быковская
Мама, хорошо, что у
тебя рак. Когда рак
становится не приговором,
а началом настоящей жизни
Серия «Сила жизни»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74408456

*Мама, хорошо, что у тебя рак. Когда рак становится не приговором,
а началом настоящей жизни / Стелла Быковская.: РИПОЛ классик;*

Москва; 2026

ISBN 978-5-386-15556-8

Аннотация

Жизнь задаёт непростые вопросы и готовит внезапные экзамены. Сдать их трудно, сложно и, порой кажется, практически невозможно. Бывает, сил не хватает и опускаются руки. Может, нужно остановиться? Найти в себе смелость обернуться, побродить по заросшим дорожкам прошлого, разыскать там надёжно спрятанный шкаф, покрытый слоем пыли и вязких паутин, под которыми ржавеет надпись: «Мои скелеты».

Провернуть тугой ключ, распахнуть скрипучие дверцы и вытряхнуть оттуда все кости, иногда обнажённые и стыдные, иногда со следами глубоких царапин и застарелых переломов. Простить себя за ошибки, понять других за удары.

Закрыть опустевший шкаф и с лёгкостью пойти дальше по своей единственной, неповторимой, долгожданной и непредсказуемой Жизни.

Книга о нескончаемом оптимизме.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Стелла Быковская

Мама, хорошо, что у тебя рак. Когда рак становится не приговором, а началом настоящей жизни

Серия «Сила жизни»

© Быковская Стелла, 2025

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2026

– А всё-таки хорошо, что у тебя случился рак!

Простодушное заявление любимой дочери роняет из моих рук только что вымытую тарелку. Она с шелестом разле-

тается на мельчайшие скальпельные осколки, превращая поверхность пола вокруг босых ног в минное поле. Прошептав механическое «на счастье», я болезненно застываю.

– Мама, ты не поранилась?

– Нет, дорогая, всё нормально. А почему ты считаешь, что это хорошо?

– Ну как. Ты целую книгу написала! А если б не рак, то, наверное, и не решилась бы никогда.

Прежде чем бурно возмущаться кощунству такого умозаключения, я пытаюсь логически оценить услышанное и неожиданно прихожу к выводу: а ведь она совершенно права... Детская непосредственная логика, не покрытая сажей боли и человеческих страданий, выдала свою собственную откровенную истину.

Да, рак – хищная болезнь. Безжалостная и некрасивая. Но для меня она оказалась вдруг продуманно щедрой. Именно благодаря ей я пересмотрела всю свою Жизнь чуть ли не с самого рождения. Выметая ненужное, проживая важное.

Именно благодаря ей я познакомилась с удивительными людьми, которые оставляют в моей душе простые по своей мудрости и мудрые по своей простоте отпечатки.

Именно рак бесцеремонно пнул меня порываться в своих способностях и откопать там запылившееся желание облачить свои чувства и эмоции в литературную мозаику слов.

Оказывается, времени очень мало. Оно так быстро и незаметно кончается, как вкусное хрустящее лакомство в непро-

зрачном пакете: никогда не поймёшь, сколько там осталось. Кажется, что много и ещё надолго хватит. Ты с упоением поглощаешь его, даже если не голоден. Угощаешь всех, а иногда и тех, на кого тратить запасы не стоило вовсе.

А потом пакет внезапно рвётся, и содержимое начинает стремительно рассыпаться, разлетаясь в пустоту. И вот уже пальцы ощущают только горстку, и теперь уже каждая крошечка на счету.

Вдруг начинаешь чаще улыбаться. Воздуху. Солнцу. Небу. Бездомной собаке, которая самоуверенно пометила колесо твоей машины. Даже нудный комар становится приятным: раз сел на тебя, значит, есть что пить, значит, живая.

Очень быстро, без всяких тренировок и продвинутых коучей, усваиваешь, что радоваться можно любому результату, каким бы он ни был.

И где я раньше была?

Стелла Быковская

Посвящается моей маме, моей дочери и двум замечательным женищинам: Ирине Ратовой и Светлане Калининой, которые, сами того не подозревая, вдохновили меня поделиться этой историей. Она написана и для меня самой – как возможность заново прожить свою жизнь, и для людей, которым события и чувства покажутся близкими. Все имена родные и, как принято оговариваться на старте, основано на реальных

Я сидела у нотариуса и внимательно читала документы. Они лежали на столе высокой стопкой, своей белизной и торжественностью напоминая торт «Наполеон». В стакане устало толпились шариковые ручки, чуть поодаль стоял графин чистой воды. На всякий случай.

У окна на мягком кожаном диване улыбочиво напряжённо ожидал завершения процедуры молодой человек, будущий обладатель моего бизнеса. С внешностью Аполлона и головой, переполненной до краёв мускулистым умом, способным выдавливать из любой возможности деньги.

Сегодня был особенный день – ровно 12 лет назад я основала своё дело, фирму по обезвреживанию опасных отходов. Сложный и совершенно не женский бизнес со своими подводными камнями, длинным списком проверяющих и постоянной тактической борьбой с конкурентами.

12 лет я заботливо растила своё детище. Умственно кропотливая и изнуряюще физическая работа занесла качество услуг на порядок выше общепринятого. Чёткость и пунктуальность исполнения заявок стали нашей визитной карточкой, внушающей доверие даже крупным государственным корпорациям. По крупинкам собранная безупречная репутация сплавилась в медаль и гордо повисла на широкой ленте – в экологических кругах меня признали авторитетом, начали приглашать на совещания в министерства, звали читать

лекции в институты.

Тихий шелест бумаги. Я переключала страницу за страницей, каждым росчерком витиеватой подписи вверяя судьбу компании в руки неизвестности. Наступало трудное время. И понимание, что на всех моих знаниях, прозорливости и чувстве юмора честно лавировать по волнам океана мусорного бизнеса становится всё сложнее. В нём бодро снова-таки упитанные, но вечно голодные акулы-конкуренты. Кроме того, замаячил айсберг круто изменившегося законодательства, о который я запросто могла нечаянно разбиться.

К этому моменту у меня в жизни скопилось практически всё, чтобы считать её успешной. Два высших и вполне полезных образования, нестыдная карьера, один официальный и один запутанный брак, любимая дочь, брутальный автомобиль, небольшая коллекция ликвидной недвижимости и солидные запасы причёсанного граблями опыта. Бизнес окреп и задышал без моего особого вмешательства, приближая давнюю, выточенную нищим трудовым детством мечту: ничего не делать и получать за это деньги. Ребёнок тоже рос, уверенно избегая тщетных попыток направить её на путь истинный. Вроде как жизнь удалась. Становилось даже немного скучно.

Для разнообразия увлеклась изучением китайского языка, которое постепенно переросло в амбициозную цель: довести знания до совершенства и начать преподавать детям. Преподавать красиво и грамотно, чтобы не научить нена-

роком подрастающее поколение запретным словам, перепутав едва уловимую тональность в пиньине¹. Правда, конечно, может и не вскрыться, но мало ли, вдруг из-под моей нетвёрдой педагогической руки вылетит птенец и прямоком отправится выстраивать международные отношения с Поднебесной, а там такие лингвистические запасы.

Видимо, где-то свыше узрели непотребную леность в моём поведении и решили круто изменить условия безмятежного пребывания на этом земном свете. С точки зрения стандартов благополучия я уже держала на руках все козыри, как вдруг меня усадили за стол и неожиданно предложили сыграть в шахматы.

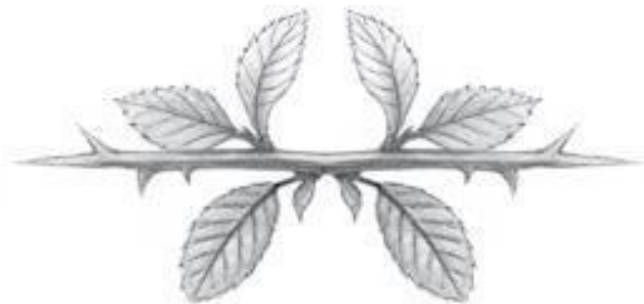
Моим противником, скрывающим своё истинное лицо под маской, стал рак.

Теперь думать надо было быстрее – моей дочери всего шесть лет. Не по годам мудрый маленький человечек, который иногда вправлял мне мозги, мягко и ненавязчиво, не заслуживал внезапного исчезновения мамы. К слову, мозги мои, если просканировать, являлись пристанищем не только для гениальных идей, амбициозных мыслей и прочего жизнеутверждающего добра, но и для толпы славных жирных тварей под названием «тараканы». В корнях своего родового древа они наверняка имели предков, родившихся чуть ли не в самых моих пелёнках.

Периодически я предпринимала попытки идентифициро-

¹ Запись звуков китайского языка (прим. авт.).

вать каждого из этой усатой братии, чтобы распять и испепелить до пустого места. Одна моя подруга с практическим стажем по психологии пыталась мне в этом помочь, но не получалось: то ли орда была слишком большая, то ли я плотно зависла в стадии отрицания и неприятия методов помощи. В общем, не вышло.

С самого глубокого детства мне снился один и тот же сон. Он влезал в мои ночи настолько регулярно, что я привыкла к нему, как стареющая аристократичная дама – к вечерним чаепитиям. Из фарфоровой, идеальной формы чашки, украшенной сверкающей мельхиоровой ложечкой с таинственными вензелями.

Сон был тягучим, мутным и дрожащим. Будто я в пещере. Стены холодные и склизкие, что-то ледяное стреляюще капает на кожу, темнота киселём засасывает вглубь таинственных лабиринтов, пугающих своей неизбежностью. Кажется,

что всё кончено, нет шансов, нет пути назад, точка невозврата. Как осознание секунды, заходящей в крутой поворот у обрыва на скорости 160. Не вырुлить.

Становится трудно дышать, и даже больше: низкие своды плачущей серой пещеры – это и есть твои лёгкие, они сжимаются, пульсируют в судорожном желании вырвать клочок свежего воздуха, но его нет. И вот ты ползёшь по пещере, обдирая коленки, а щель удушающего лаза неторопливо плодит бесконечность пустоты и глубину осязаемой темноты.

На дне живота рождается ощущение. Оно знакомо – те самые бабочки. Если погрузить заледеневшие руки в чашу с горячей водой, низ живота щекотно подворачивает. Это ощущение рождается где-то в лоне, цепляется за пупок и стремительно карабкается к горлу. Хочется крикнуть.

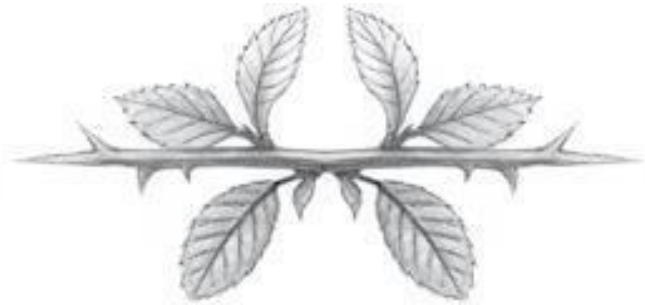
Я с удовольствием кричу, изо всей силы выталкивая лохмотья воздуха сквозь чувствительные складки голосовых связок, и просыпаюсь от собственного блуждающе-губошлёмного рыка.

Глубокий вдох ровняет сознание. В голове мелькает мысль: как долго ещё я буду скитаться по этой западне, когда уже меня отпустит?

Где-то через месяц сон повторится, точно под копирку, как идеальный близнец в руках старательной мамы. Головоломка, которую подбрасывает равнодушное бессознательное, не решена. Где-то есть выход, но я всё никак не могу сохраниться и начать с середины. И снова ночь избиратель-

но погружает в сон, и снова я сижу в пещере, а серые ртутные стены переливаются, превращая безысходность в физическое существо, имеющее образ и фактуру.

В моей жизни всё в порядке, ведь всё хорошо? Или нет? Этот сон как чёрное пятнышко на белоснежной накрахмаленной ткани жизненного пути – торчит, режет глаз и расплзается в огромную кляксу, пачкающую идеальное всё. Нет универсального пятновыводителя, надо самой поискать, как вывести эту дрянь.

Обычный поздний ноябрьский вечер: традиционная кружка горячего чая с лимоном, редактирование нудно-умных документов в ноутбуке, душ, чистка зубов – и вот она, покорная подушка.

Осторожно повертеться, боясь разбудить дочь, принять уютную позу, предвкушая долгожданный отдых. Подложить одну руку под голову, потому что нет ничего мяг-

че собственной ладошки, второй рукой обнять себя до самых лопаток... и почувствовать странный камушек, упирающийся в запястье.

Сон мгновенно растворился в надвигающемся смутном предчувствии – я ощупывала в груди уплотнение, которого ещё вчера, как мне казалось, не было. Камушек скользил между пальцев, как крупная зрелая фасолина.

Время вдруг споткнулось и остановилось. Ночь загустела, лениво выталкивая сонную луну в спокойную гладь неба, где уже плавали равнодушно мерцающие звёзды.

Дочка сладко спала. Я пила на кухне бесконечный кофе, наблюдая, как у горизонта чернильная темнота медленно расступается, впуская неповторимые оттенки: густо-розовый неторопливо разбавляет индиго, сливается с ним, рождая бархатистый лавандовый цвет. Оранжевые, жёлтые, красные нити крупными стежками старательно вышивают изысканный ковёр в том месте, где обнажённое солнце планирует свой откровенный выход.

Первый луч, как факел, возвещает победу над тьмой, приглашая прожить этот новый день, каким бы он ни был.

Мой день обещал быть длинным. В 07:59 я набрала номер клиники. Запись к онкологу-маммологу оказалась крепко спаянной на полтора месяца вперед – не вклинить. Меня поставили в лист ожидания и дежурно обещали перезвонить.

От количества выпитого кофе начинало немного му-

тить. Значение популярного выражения «валится всё из рук» я ощутила в полной мере: предметы не держались в пальцах, забывала, куда шла и зачем, не сразу понимала суть происходящего. Замедленная съёмка фрагмента жизни.

Главное – не дать себе погрузиться в панику, ещё ничего не известно, есть только камушек в груди и муторное ожидание визита к врачу. Там от меня отщипнут кусочек, в большой машине отвезут на исследование, и о результатах я узнаю по всем правилам. Может, это просто какой-нибудь жировик. От преждевременных страданий всё равно ничего не изменится, поэтому непрерывно варить эту проблему в голове я себе запретила. Она может свернуться в творог и серьёзно застопорить позитивные мыслительные процессы.

К врачу я попала только через три недели. Мария Львовна, высокая молчаливая женщина, водила датчиком УЗИ по закоулкам моей молочной железы и внимательно оценивала черно-белый кисель, булькающий на экране монитора. Как врачи умудряются в этой картинке, полной хаоса, разглядеть физиологические элементы человеческого органа, меня всегда удивляло.

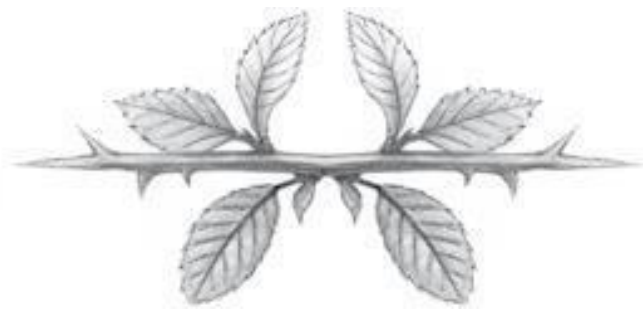
Она молчала. Водила туда-сюда толстую рукоятку, повторно намазывала ледяным гелем датчик, щёлкала переключателями на аппарате и снова крутилась в том месте, где притаилось нечто.

– Вот салфетки, можете обтереться и одеваться.

У меня слегка задрожали руки. Почему она молчит? Если всё плохо, сказала бы уже, зачем тянуть и без того звонкие нервы.

Распечатанный глянцевый снимок лёг на стол. Она взяла ручку, жирно обвела в круг тёмное пятно, чуть задержала дыхание, пристально разглядывая моё лицо, и ровным глубоким голосом произнесла:

– Буду говорить прямо: 99 процентов – это рак. По всем признакам. Сейчас мы с вами пройдем в процедурный кабинет, я возьму образец. Придётся сделать разрез, иглой я не поймаю опухоль, слишком подвижная. Отправим на гистологию, возможно, результат успеет прийти до новогодних каникул.

Она ошиблась.

Не успел. Впервые заказанный для моих сотрудников ре-

сторан в момент проведения корпоратива недосчитался директора. Пластично улыбаться и фальшиво веселиться не хотелось – все бы заметили. Зачем портить людям настроение?

Праздник, который обычно ждут, чтобы оставить всё плохое в прошлом и войти в новый год со свежими силами, целями и желаниями, превратился для меня в изматывающее и бессмысленное ожидание. По большому счёту, мне уже не нужна была бумажка, я просто чувствовала – это оно.

Что такое рак, я знаю не понаслышке. Эта коварная болезнь, как варан, кусает своими челюстями, пускает слюни в нутро и ждёт, когда жертва будет наивно полагать, что сбежала, хотя на самом деле это всего лишь начало конца. Подлая память выковыривала страшные картинки последних минут мамы, которые я тщательно стирала, замазывала до дырки, как школьница с комплексом отличницы, внезапно подхватившей двойку: залить кислотой, вырезать кусок, сжечь и развеять по ветру.

Но нет, мысли лезли. Например, какое цепляющее совпадение – моя мама умерла от рака в ноябре, когда ей было 43 года, а мне в ноябре, в мои 43, повезло наткнуться на точно такую же опухоль. И ещё: что будет с моей дочерью, если я плотно увязну в этой истории? Это мне на момент ухода мамы было целых 17 лет, работала уже. А моей девочке всего лишь шесть наивных годиков, слишком рано для

знакомства с такой реальностью.

Месяц ожидания диагноза сыграл свою роль. Я успокоилась, накидала презентацию для продажи компании, подсчитала, как и когда я наконец сделаю ремонт в новой, давно отстроенной квартире. Простой лист бумаги с карандашным планом действий, который уже не стереть ластиком – буквы от нажима продавились, углубились в бумагу и настойчиво требовали исполнения.

И всё равно, получив заключение, в котором было написано «карцинома», я разрыдалась белугой и час не могла остановиться. Было жаль себя, жаль дочь, маму, жаль эту жизнь и всё, что могло в ней произойти. Жаль, в конце концов, этого яркого солнца, которое слепит мне в опухшие глаза и мешает рулить.

Машина для меня как антистресс: сажусь за руль и еду. Сто, двести километров, разворачиваешься – и обратно, лишь бы видеть ниточку дороги, за которую цепляешься и точно знаешь – она тебя выведет, а верный железный конь под тобой тебя вывезет. Звук двигателя, шум покрышек. Мантра. Не надо посторонних звуков в виде глупой попсы, рекламы прокладок и лекарства от геморроя...

Жизнь научила не раскисать надолго, можно утонуть в чмокающей трясине горестных переживаний, из которой вытянуть потом сможет только хитрый психолог. Максимум – день, может, два. А в данном случае время играло против меня. Поход в областной онкологический центр по-

верг меня в ужас: если я тут останусь, можно сразу покупать белые тапочки, надевать их и уже далеко не уходить из этих душных коридоров – перспективы на скорость нулевые. Я не думаю, что в этом заведении работают плохие врачи, просто то количество людей, которое я увидела там, не давало шанса – я не успею.

Надёжно придумав голос совести, грызущий упрёками «ты же молодая, там старушки сидят и ничего, терпят в очередях, дожидаясь своей участи», принялась искать максимально быструю дорогу к своему лечению.

– Папа, привет.

– Привет, мам, как дела?

Так мы с Женей, отцом моей дочери, называли друг друга.

– Присядь на что-нибудь мягкое, чтоб не повредиться, сейчас я тебе буду рассказывать последние новости на Плюке².

Мне нужна была помощь. Я не любила просить – испытание для меня, сравнимое с унижением, проявлением слабости. Ещё одна глупая ловушка, из которой с радостью кидаются спасать лекари души.

– У меня обнаружили рак.

Он отключил громкую связь и торопливо-бодро вдохнул в трубку: – Мама, ну ты чего удумала? С чего вдруг ты решила заболеть? Ладно бы чесоткой какой, почесали и баиньки. Ты давай прекращай, придумала тут.

² Вымышленная планета из фильма «Кин-дза-дза» (прим. авт.).

Было слышно, как его закручивает тревога.

Чтобы разволновать Женю, надо постараться. А вывести из себя – вообще сложно выполнимое дело. Он постоянно пребывал в каком-то благостном настроении, пропитанном оптимизмом и верой в неизменные человеческие добродетели. Его стакан всегда был наполовину полон, а мечты надёжно хватались за пролетающую звезду, способную исполнять желания. Он положительно и вдохновенно говорил авторитетные речи, непринуждённо творил деловые письма, запросы и прочие протокольные бумаги. Гениальные идеи, мелькающие в коридорах его зелёно-карих глаз, были привычным явлением, естественным бесплатным приложением к талантливым серым клеточкам, старательно отрабатывающим свою уникальность.

В его руках горели проекты. Не в том смысле, что сгорали, а вспыхивали созидającym пламенем, превращаясь в на-

дёжную энергию для будущего бизнеса.

Он, как король, мыслил глобально, предпочитая не погружаться в подробности и кропотливые мелочи. Ему не хватало свиты, талантливых исполнителей, способных это глобальное разложить на кости, найти реализацию каждому суставу, потом собрать всё в скелет, усилить мускулами и подвести к крутому трамплину. Ему оставалось только пнуть для ускорения, отправляя рождённое детище в головокружительное путешествие за миллионными доходами.

Его богатое прошлое, похожее на дремучий лес со своими зарубками, густым мхом, глубокими оврагами и разноликими деревьями, проросло в бесценный опыт. Он зажигал инвесторов неумолимой прибыльностью продуманного проекта, отходил в сторону, чтобы полюбоваться произведённым эффектом, да так в стороне и оставался, потому что про него внезапно забывали.

Идею технично уводили с его пути. За неё цеплялись, наращивали деталями, нужными людьми, стратегиями, потребителями и просто желающими приобщиться к великому. Женя пожимал плечами и со словами: «Ладно, земля круглая, а попа скользкая», – разворачивался и, не оглядываясь, шагал дальше, по пути рождая очередную бизнес-идею, совершенно точно обречённую на успех.

Потом к нему обращались за советом и полезными связями. «Спасибо» говорить забывали. Иногда ленились перезвонить. Но в целом помнили и ценили. Иногда виновато

оказывали услугу в честь призрака дружбы. Иногда только обещали оказать. Он улыбался, потягивался, маскируя сожаление и разочарование под лёгкую усталость. И говорил, что люди разные.

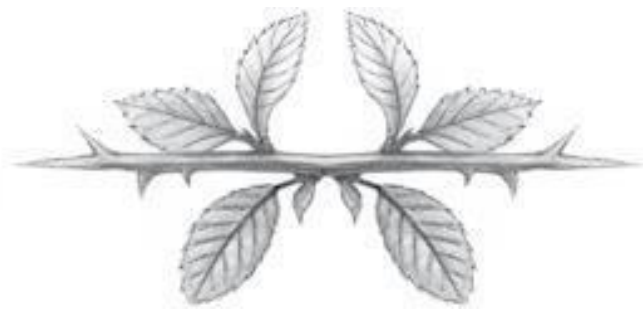
Мне было обидно за него.

– Перестань уже так верить людям. Тебя пользуют. У тебя классные идеи, может, попробуешь сам?

Он улыбался и говорил, что скоро он так и сделает. Только сначала денег заработает.

– Ты лучше займи эти деньги у деятелей, которые воруют твои стартапы. И начни своё дело. Сам, без партнёров, меньше потом разборок. Набери команду и сделай. Я уверена, что у тебя получится.

И у него получилось.

В Москве Женя был словно рыба на глубине. Возможностей там больше, и он уверенно знал кратчайшие неведомые

тропы к ним. Он договорился со всеми, кто так или иначе имел профессиональное отношение к раковым больным, и вот 29 января 2020 года в назначенное время я должна явиться в онкологический центр имени Блохина на предоперационное обследование.

Передо мной встала глобальная задача – впервые оставить дочь дольше чем на 10 часов, беззаботно проведённых в надёжном садике в обществе трёх современных и ответственных воспитателей.

Моя дочурка росла с открытой душой и сильной привязанностью к маме. Эта связь была настолько сильной, что мне приходилось первое время тайком бродить вокруг садика, спотыкаясь о кочки и воровато заглядывая в окна. От бесконечного горя и рыданий у неё, бывало, внезапно открывалась рвота или подскакивала температура. Завидев меня, она живо самостоятельно одевалась, к удивлению всех воспитателей и самой мамы, и с разбега запрыгивала ко мне на руки. До дома было пять минут ходьбы, за это время температура чудесным образом возвращалась в нормальное состояние, а длинноволосая головка безвольно падала на плечо и засыпала глубоким сном.

Как теперь улететь в Москву, мне предстояло придумать. Единственным человеком, с кем моя красавица согласилась бы остаться и кому я могла доверить это ответственное дело, была моя близкая подруга. Мы знакомы уже больше двадцати лет, всегда приходим на выручку в трудную минуту, а эта

минута выдалась на редкость сложной и богатой на неожиданности.

– Привет, Сауле. Мне надо улететь в Москву, могу дочь тебе оставить?

Она знала про мой диагноз. Новость об этом погрузила её в озеро слёз украдкой на дне которого парализовано лежал вопрос – за что? Переживать за близкого человека иногда гораздо тяжелее, чем за самого себя.

– Конечно, Стелла, о чём разговор! Я через полчаса приду Жана забирать с английского, у вас же тоже сегодня занятия? Давай там и встретимся, всё обсудим.

Наши дети ходят на английский язык в один и тот же клуб. Ходят с трёх лет, но в разные группы: Жан постарше, и мы его догоняем. Дочери изучение языка даётся легко, словно она всегда на нём разговаривала, просто случайно подзабыла.

Я вручаю её преподавателю, когда у Жана занятия уже заканчиваются. Дети пересекаются в общей комнате, рассказывают друг другу новости, шутят свои милые детские шутки. Янечка хохочет, ей нравится дружить с этим улыбчивым большеглазым мальчиком. Она ещё не знает о своём предстоящем временном переселении.

В конце коридора показывается Сауле. Я освобождаю место на лавке рядом с собой.

– Садись, давай решим, когда тебе её привезу. Я, правда, ещё билет не покупала, но это недолго.

Она морщится и правой рукой неуклюже расстёгивает куртку. Она – левша, зачем так усложнять себе жизнь, я не сразу понимаю.

– Помоги снять, пожалуйста.

Я осторожно стягиваю рукав и холодею: рука чуть выше запястья пластилиново повисает под углом 45 градусов и пышно надувается прямо на глазах.

– Ты как так умудрилась?! – от ощущения боли, которую она сейчас испытывает, у меня начинает покалывать под лопатками. – Ужас, ты приземляться разучилась? И ведь падать-то невысоко, рост – метр в кепке в прыжке. Это как разбежаться надо было для верности!

Она сломала левую руку. Это значит, она практически без рук – правой только писать умеет. Собираем детей, ответственно нагружаем их сумками и отправляемся в ближайший травмпункт. Везу быстро, старательно объезжая кочки. Сауле глухо, со стоном вздыхает, но упрямо выдаёт:

– Ты её всё равно мне оставляй, тебе надо лететь! Я справлюсь.

Через час «бриллиантовая рука» выходит из медицинского кабинета. Волшебный укол вернул улыбку и загипсовал уверенность, что она действительно справится. У меня на этот счёт сомнения, но другого выхода нет.

Дети с удивлением и любопытством разглядывают броню неведомого белоснежного чудища, проглотившего посиневшие пальцы.

– Я начищу тебе лука, картошки, морковки, всё порежу на бруски и заморозжу, будешь просто доставать из морозилки.

– Ой, а как вы теперь котлетки жарить будете? – моя дочь осторожно тыкает палочкой в гипс.

Действительно, как? Когда всё на месте и исправно функционирует, относишься к этому как к солнцу в небе – вроде, так и должно быть. А теперь элементарное «вымыть руки» превращается в корявую задачу.

– А вот ты ей в этом и поможешь! Как ты на это смотришь? – ласково глажу дочь по спинке. Она поднимает на меня непонимающий взгляд, брови возмущаются, от чего над правой появляется многозначительная ямочка.

– А ты что, помогать не будешь?

Итак, теперь надо как-то облечь горькую новость в красивую обёртку и скормить её трепетной детской душе. От слов, что через два дня мама улетит на некоторое время, из-под длинных ресниц начинают градом литься слёзы.

– Милая, маму надо отпустить.

Она мотает головой, забирается на колени и крепко стискивает ручками мою шею. Я прокашливаюсь, пытаюсь освободить путь для воздуха.

– Я ненадолго. Вот смотри: мама немного приболела, но ей очень повезло, потому что есть шанс вовремя подлечиться, а для этого надо сейчас уехать. Если мы с тобой этот шанс упустим, потом будем горевать ещё сильнее.

Она утыкается лбом в шею, шмыгает носом.

– А ты вернёшься?

– Конечно, вернусь, куда ж я денусь? Как я без своей кошечки буду? – крепко прижимаю к себе подрагивающие от всхлипываний плечики. Стараюсь бесшумно глубоко вздохнуть и медленно выдохнуть, чтобы притормозить дрожь в голосе. Только бы не увидела моё лицо, от волнения оно покрылось пятнами.

Я никогда не умела справляться со своими эмоциями. Смысл воспринимать всё ровно, без всплесков? Жизнь превращается в какую-то сплошную пастельную картину без единого мазка: глубокого синего, наполненного жизнью зелёного, всплеска алых капель, растекающихся причудливыми дорожками, феерии ярко-жёлтого с многочисленными оттенками, возвещающими о приливе внезапной радости в душе. Мир многогранен и удивителен, и ходить по нему с постным лицом, которое называют невозмутимым, мне пре-

тило. Я жила, как рисовала картину, в которой должно быть всё красиво и идеально, с тонким чувством цвета, сочетанием несочетаемого.

Такой взгляд мне привил мой учитель по рисованию. Он был уверен, что обнаружил в нескончаемом потоке детишек, сменяющихся класс за классом в нашей совершенно обыкновенной школе, самородок – тихую девочку, умеющую за короткие 45 минут урока рисования занести на лист бумаги целый мир, а не просто цветочек в горшочке.

Мне нравилось рисовать. По словам мамы, это были гены – трое из моих родных дядек были профессиональными художниками. Причём один из них прославился несказанно: ему поручили написать портрет Сталина в послевоенные годы и по результату не расстреляли. Это определённо говорило о таланте.

Моё физическое существо эти гены в себя поглотило, переработало и вывело на новый уровень – я чувствовала цвета. Они были везде, не только на холсте, пока ещё девственно белом, а вокруг: в словах, произносимых людьми, в ветре, в запахах. Даже вкус еды напоминал палитру. Если закрыть глаза, можно разложить на цвета любое блюдо.

Например, если приготовить пасту под сливочным соусом с грибами, мускатным орехом, базиликом и чуточкой итальянских специй, сбрызнуть оливковым маслом, усыпать тёртым пармезаном, мгновенно обнимающим горячее блюдо, закрыть глаза и положить кусочек в рот, то нарисуются

потрясающая картина: лимонного цвета полуденное солнце, голубое небо, густеющее ближе к горизонту, пара пухлых белых перин – это облака плывут. Волнообразные холмы с мягкими зелёными переливами, причудливой формы пятно рощи. Там точно есть грибы, чувствуешь тонкий аромат и великолепный вкус.

Пал Саныч предложил походить на его персональную продлёнку. У него была мастерская при школе, небольшое пристроенное помещение с отдельным входом, которое директор школы благосклонно отдала во владение учителя рисования. За это он подрабатывал завхозом, по пути ремонтируя всё, что ломалось шаловливыми детскими руками.

В мастерской царил художественный хаос: кругом стояли стеллажи с тюбиками красок, многочисленные баночки, бутылки с олифой, грунтовкой и уайт-спиритом. Запасы разнокалиберных кисточек потрясли воображение: если собрать с них всю щетину, можно покрыть шерстью пару-тройку пони или роту белок.

Всюду были разложены рамки для будущих картин, немые белые холсты, наброски в карандаше, акварели и в масле. Он был непризнанным художником, спрятавшим свою жизнь, свой талант за дверями тесной школьной мастерской. Знающие люди заказывали ему огромные картины. Он писал по вечерам до глубокой ночи, и это были шедевры не хуже работ самого Брюллова.

Таинственный мир оживающих полотен, наполненный за-

пахом растворителей, белил и свежезаваренного крепкого чая, тянул меня как магнитом. Это было волшебство.

Он ставил заготовку прогрунтованного холста на мольберт, брал в руки заточенный до состояния иголки карандаш и лёгкими движениями рассыпал штрихи. Сначала они были бесформенными, напоминали затейливые лабиринты хитрой загадки. Но погодите, ещё немного, и вдруг эта нестройная шеренга обретала очертания будущей картины: берег речки, остроносые камыши кучкуются, чуть поодаль раскинула свои нити плакучая ива. Ночное небо наполняется блеском луны, свет льётся вниз, растекается по водной глади густыми искрами. Отражение берега чуть волнуется: наверное, у поверхности метнулась одинокая неспящая рыбка.

Я смотрела как заворожённая. Он улыбался, протягивал мне карандаш и кивал: иди, попробуй, у тебя всё получится.

Почти каждый вечер я пропадала в мастерской, растворяясь в своей собственной неповторимой Нарнии. Я выкладывала на холсте свои эмоции. Пал Саныч незаметно наблюдал за мной краем глаза, иногда поправляя мой мазок или оттеня кисточку чуть другим цветом, который из-за неопытности я ещё не видела в окружающем мире.

– Небо не может быть просто синим или чисто голубым. Там много оттенков. Возьми немного розового, уложи его лёгкими мазками. А вот тут, под облаками, можно даже изумруда добавить. Оно заиграет, задышит. Почувствуй его.

Я закрывала глаза и застывала. В воображении картина

начинала проявляться сама, нужно было только кистью успевать за полётом мысли.

Через год Пал Саныч организовал выставку в центральном Доме культуры. Там были работы всех его выдающихся учеников. И мои. Пара картин в масле, с десятков в акварели и целый стенд в карандаше.

Я ходила с мамой по залам и волновалась как на экзамене. Сейчас она дойдёт до моей секции и очень сильно удивится.

В центре стенда висел её портрет.

Она была очень красивой. Для меня это было нечто совершенное, ангел с крыльями за спиной, который улетал в пять утра на первую работу, оставляя меня досматривать сладкие сны, в обед прилетал выпить пустой чай с коркой засохшего хлеба и исчезал на второй работе. Я видела её только ночью либо вечером на заводе, куда мама меня иногда брала. Забившись в укромный угол тёмного бесконечного цеха среди

грохочущих механизмов, я наблюдала за её тонкой фигуркой.

Она была лучшей в этом цеху. Огромный станок, которым она управляла, прорубал четыре круглых отверстия в заготовке металлического ножа для комбайнов со звуком хлопнувшей об асфальт бетонной плиты.

Этот звук превращался в равномерную методичную музыку. Взять заготовку, вставить в ложе, нажать педаль, бам-м, забрать продырявленную деталь и бросить в контейнер с готовой работой. Раз, два, три, бам-м, раз, два. Раз, два, три, бам-м, раз, два. Иногда мне казалось, она делала это с закрытыми глазами: движения были выверены до миллисекунды, до миллиметра. Права на ошибку не было: не уберёшь вовремя руку – гидравлический пресс оттяпает кисть. С шести вечера до часу ночи, каждый день, каждый месяц, годы. О чём она думала в это время?

Я любовалась её образом, напряжённым выражением лица, её ловкими отточенными движениями. Я любила приходить на завод. Это был странный для моего восприятия мир, как аттракцион с живыми гигантами, где всё пыхтело, грохотало, лязгало, жило своей металлической жизнью, и только маленькая фигурка хрупкой женщины дирижировала этим оркестром.

Когда смена заканчивалась, она тщательно убирала рабочее место, до блеска начищая железное тело станка. Взамен он, не совсем бездушный робот, благодарно штамповал ты-

сочи деталей и старался не ломаться.

Дома мама устало мыла руки, тщательно оттирая едким хозяйственным мылом пятна машинной смазки, проступавшие на пальцах чёткими папиллярными узорами. Переодевалась и садилась ужинать. Задумчиво ела варёную картошку с серой солью, луком и крупными ломтями хлеба, которые отрезать от булки ровно уже не было сил.

Я расправляла постель, пристраивалась на краешек и ждала, когда она умоется, причешет свои длинные пепельно-русые волосы и ляжет спать.

Иногда это происходило не сразу. В особенно тёмные, безлунные ночи мы облачались в неприметные одежды, надевали мягкие бесшумные чуни³ и отправлялись в странное путешествие. Когда весь город спал, и только редкие бродячие псы шатались по тревожным закоулкам, мы брали тележку с предательски поскрипывающим колесом и шли воровать шпалы.

Дорога пролежала под мостом, через железнодорожную насыпь и пути. До переезда был приличный крюк, поэтому с пустой телегой мы просто перебирались через рельсы, стараясь не гроыхать на всю округу. Дальше начиналась территория завода. Мама ориентировалась там с закрытыми глазами, двигаясь как ниндзя: просачивалась сквозь невидимую щель в высоченном заборе, кралась по едва уловимым прямым тропинкам. Я следовала безмолвной тенью.

³ Войлочная обувь (прим. авт.).

В дальнем углу открытых складов лежали стопками деревянные поддоны и использованные железнодорожные шпалы. Пару поддонов мама плотно укладывала на телегу, они потом шли на дрова зимой. Две, максимум три длинные шпалы затаскивались поверх — немыслимое для женщины количество, грубо отнимающее остатки дрожащих сил. Неподъёмные балки, пропитанные вонючим смолянистым составом, выskalзывали из натруженных рук. Мама в сердцах что-то шептала, скорее всего, ругалась, возможно, даже матом, но мой непоколебимый образ ангела с белыми крыльями просто смахивал звуки некрасивых слов в ночь.

Я была в роли часового. Помощи от меня, конечно, было мало. От страха фантазия рисовала невероятных чудищ, притаившихся за каждым кустом. Свет фонарей, пробивавшийся сквозь деревья, превращался в огромные глаза хищного паука, перебирающего своими мохнатыми лапами. Он шумно дышал и неминуемо двигался на нас. Я держалась за тележку трясущимися руками, стараясь не скулить. Маме тяжело. Мне — отчаянно страшно, но это хотя бы не тяжело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.